

МАКАРЕНКО Иван Михайлович, преподаватель кафедры хорового и вокального искусства, аспирант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Работает над диссертацией, посвященной изменению статуса традиционных ценностей в культуре пост-постмодерна.

ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНА: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В НЕОКЛАССИЦИЗМЕ М. ГОТДИНЕРА

В статье приводятся основные положения программы неоклассицизма М. Готдинера, в рамках которой постулируются как подход к решению эпистемологических проблем современности, так и путь преодоления кризиса личной идентификации. Анализируя концепцию М. Готдинера, автор выявляет характерные для нее пост-постмодернистские черты, а именно: возвращение к традиционным европейским ценностям. Среди последних приоритетными являются гносеологический оптимизм и метод антитезы в мышлении.*

Введение

Идеи постмодерна, коренящиеся в отрицании возможности адекватного отражения действительности в сознании человека, при логическом развитии приводят к ощущению тотальной виртуализации реальности и доминированию субъективной интерпретации знаковых систем. В культуре позднего капитализма, катализирующей продуцирование рекламных и медиаобразов с целью наращивания торговых оборотов посредством интенсификации интенций консюмеризма, исчезновение связи с объективной действительностью становится причиной утраты ориентиров социального развития и в конечном итоге ведет

к кризису личностной идентификации. Необходимость эпистемологической стабильности инициировала концептуальные поиски путей обоснования достоверности имеющихся знаний и методов их получения. В результате сложились такие пост-постмодернистские проекты, как коммуникативная программа К.-О. Апеля и неоклассицизм М. Готдинера, аналитическому рассмотрению основных положений которого посвящена данная статья.

В зарубежной науке труды М. Готдинера широко известны и прочно вошли в аналитический дискурс научного сообщества. Так, К. Арчер отмечает стремление М. Гот-

*Весь эмпирический материал приводится в переводе автора.

динера преодолеть недостатки семиотического идеализма (виртуализация действительности, субъективизм интерпретации) посредством

постулирования семиотики, укорененной в материальной реальности [3]. Р. Коллинз отмечает преодоление М. Готдинером в рамках своей

концепции положения, согласно которому социум тождествен дискурсу [4]. Н. Уайли подчеркивает отход М. Готдинера от виртуальности интерпретаций знаков и символов в пользу социальных контекстов повседневной жизни, а также экономических и политических сил; что позволяет методологически охватить большой спектр материальных объектов, функционирующих в культуре [9]. Л. Лийз подчеркивает отказ в рамках концепции М. Готдинера от привилегированности сознания – что является следствием опоры на методологию семиотики Ф. де Соссюра – и постулирование материалистического подхода к действительности, основанного на семиотике Ч. Пирса [8].

В отечественной науке работы М. Готдинера менее известны, однако постепенно входят в научный оборот. В частности, к его концепции неоклассицизма апеллирует М. А. Можейко, приводя ее в качестве примера тенденций пост-постмодернизма в культуре [1; 2].

Целью данной статьи является изложение основных положений концепции М. Готдинера и выявление в них характерных особенностей пост-постмодернизма, свидетельствующих о возрождении фундаментальных традиционных европейских ценностей.

Основная часть

М. Готдинер выступает с решительным неприятием постмодернистского философско-культурологического подхода к анализу действительности. Он считает недопустимым проникновение идей деконструкционизма в общество, поскольку последнее нуждается в положительном идеале и ограничительных критериях, позволяющих оценить и сдержать его развитие.

Образно характеризуя отрицательный потенциал постмодернистской философии, он отмечает, что «нападение Ж.-Ф. Лиотара на знание прорезало философию словно нож»; в конечном итоге Ж.-Ф. Лиотар и Ж. Деррида «навсегда изменили наше понимание философии и теории» [7, с. 624]. Но, признавая правоту подобных философских взглядов, М. Готдинер заявляет, что они «являются слишком радикальными для общества, чтобы их принять»; они неприемлемы с точки зрения социологии, поскольку методологически подрывают основания для построения социальной теории: «Ж.-Ф. Лиотар исключает возможность наличия рациональных оснований для построения более совершенного общества», рассматривая любые предпосылки общественного устройства как «личные мнения и власть, притворяющиеся ценностями и верованиями» [7, с. 624]. Поэтому постмодернистский скептицизм, несмотря на обоснованность своих утверждений, не может быть внедрен в социокультурное пространство, поскольку приводит последнее в состояние кризиса и разрушения.

Интенсивной критике в рамках концепции М. Готдинера подвергается и культурная теория Ж. Бодрийера. Давая ей оценку, М. Готдинер замечает, что «символический редукционизм Ж. Бодрийера игнорирует и материальный мир, и наш рефлексивно оцененный опыт

социального контекста» [6, с. 25]. Согласно взглядам Ж. Бодрийяра, «СМИ так пронизывают нашу повседневную жизнь <...>, что сама действительность не существует»; следствием подобного подхода является заключение, в соответствии с которым «мы все пойманы в ловушку *гиперреальности*, определяемой как вселенная образов» [6, с. 23]. Будучи социологом, М. Готдинер рассматривает подобный подход к культурному анализу как редуционистский в силу игнорирования действительности, проявляющейся в практике повседневной жизни и сопутствующих ей материальных объектах. По его мнению, «постмодернистские подходы проигнорировали отношение между символической и материальной культурой» и отдали предпочтение сознанию; в результате «этот идеалистический уклон привел к импрессионистским» описаниям культурной действительности [6, с. 7]. Отсюда одним из основных недостатков постмодернистской культурной критики является то, что «постмодернизм дает аналитику право независимой интерпретации знаковой ценности и часто пренебрегает социальным контекстом» [6, с. 186]. Это приводит к тому, что, согласно постмодернизму, «означаемых больше не существует, потому что вся культура – только симуляция и гиперреальное воспроизведение посредством клонирования» [6, с. 194]. Подобный подход к культурному анализу М. Готдинер рассматривает как разновидность идеализма и настаивает на том, что «миф и гиперреальный комплекс потребительского общества <...> не могут стереть повседневную жизнь», которая, по его мнению, «все еще

сохраняет достаточно многие степени свободы» [6, с. 25].

Для обнаружения истоков сложившегося в постмодернистской культуре кризиса М. Готдинер обращается к анализу семиотических концепций Ф. де Соссюра и Ч. Пирса, послуживших исходными предпосылками для формирования основных подходов к пониманию знака в науке XX в. В частности, он связывает основные затруднения постмодернистской философско-культурологической школы с тем, что она в качестве методологического основания для построения своих концепций избрала семиотический подход Ф. де Соссюра. Определение последним знака как бинарной структуры, которая состоит из означающего и означаемого, приводит к замыканию познания на процессах, происходящих в человеческом сознании. Как отмечает М. Готдинер, означаемое в рамках концепции Ф. де Соссюра – это идеальное представление, «вызванное в уме получателя как следствие воздействия означающего» [6, с. 5]. Тем самым в подходе Ф. де Соссюра нет методологических оснований для выхода за пределы языковых структур, сосредоточенных в сознании человека. В результате реальность ограничивается сферой идеального и, в конечном итоге, утрачивает свой онтологический статус, что и становится одним из центральных положений деконструкционистского анализа. Однако Ф. де Соссюр как лингвист и не ставил перед собой задачу обоснования достоверности знания, но интересовался прежде всего проблемой языка как системы коммуникации. В противоположность этому Ч. Пирс как философ искал посредством языка

ключ к решению эпистемологических проблем и был озадачен феноменом бесконечного регресса означающих, возникающего вследствие отсылки одних означающих к другим и отсутствия конечного означаемого. Решение этой проблемы он видел в признании наличия абсолютного материального объекта, к которому приводит цепь означающих и который постигается в опыте соприкосновения с материальной реальностью. В силу этого в концепции Ч. Пирса структура знака, в отличие от бинарной структуры Ф. де Соссюра, была расширена за счет введения третьего компонента – объекта, на который указывает знак. В результате триадическая структура знака в подходе Ч. Пирса включала в себя не только репрезентант и интерпретант (компоненты, тождественные означающему и означаемому Ф. де Соссюра), но также и референт – материальный объект, обозначенный знаком. Поэтому именно семиотический подход Ч. Пирса М. Готдинер рассматривает в качестве методологического основания для выхода за пределы виртуальности когнитивной сферы субъекта и постулирования существования объективного мира.

М. Готдинер отмечает, что Ж. Бодрийяр, Р. Барт, Ж. Деррида «и другие деконструкционисты принимают понятие Ч. Пирса о бесконечном регрессе, являющемся результатом бесконечной игры означающих, поскольку одни знаки определяются посредством других знаков»; однако никто из этих философов не «принимает эпистемологическое положение Ч. Пирса, согласно которому в конечном итоге мы стоим лицом к лицу с «абсолютным объектом»: то есть мы должны признать действительность

в опыте нашей повседневной жизни» [6, с. 23].

Вместе с тем М. Готдинер далек от идеализации концепции Ч. Пирса. Безусловно, его подход также не лишен определенных ограничений. Как отмечает М. Готдинер, Ч. Пирс не указал, каким образом должна функционировать его концепция в тех случаях, когда референт однозначно отсутствует: например, при использовании таких вербальных знаков, как «единорог», или в случае фактической лжи» [6, с. 13]. Однако, несмотря на это, по мнению М. Готдинера, триадическая система семиотики Ч. Пирса более сильна, чем бинарная система Ф. де Соссюра и обладает более высоким коэффициентом продуктивности методологического потенциала [6, с. 13]. Подход Ч. Пирса позволяет методологически обосновать реальность объекта исследования – материального мира, соприкосновение с которым происходит в рамках жизненных практик. И именно этого обоснования объективности действительности, по мнению М. Готдинера, недостает в культурологическом подходе постмодернистских аналитиков культуры, опирающихся на семиотическую теорию Ф. де Соссюра.

Принимая во внимание недостатки и кризисные последствия постмодернизма, М. Готдинер, основываясь на методологии Ч. Пирса, позиционирует социосемиотический подход к анализу культуры, учитывающий роль социальной реальности и практик повседневности в знакообразовании. Характеризуя социосемиотический подход, М. Готдинер отмечает, что последний «не рассматривает операцию семиозиса в культурном вакууме», но, напро-

тив, «стремится установить связи между производством знака и потреблением, с одной стороны, и экзосемиотическими социальными процессами экономики и политики, с другой»; при этом «ключ к установлению этих связей – спецификация социального контекста» [6, с. 145]. В соответствии с позицией социосемиотики «любой материальный объект конституируется на пересечении социального контекста и кодифицированных, коннотативных идеологий социальной практики, с одной стороны, и материала, цели, производства или практики дизайна, которая производит мир объекта, – с другой» [6, с. 56]. Таким образом «любой культурный объект» рассматривается и как «объект использования в социальной системе», и как «компонент в системе сигнификации», в силу чего «может интерпретироваться пользователями»; поэтому «исследования социосемиотики» предполагают «артикуляцию между идеологией и материальными формами, которые функционируют как выразительные символы» [6, с. 100, 101]. Тем самым М. Готдинер стремится вернуть сектор означаемых, утраченных в результате постмодернистской критики, постулирующей тотальную погруженность социальной реальности в мир коннотаций и симулякров. Он призывает не забывать о том, что, несмотря на способность материальных объектов выполнять роль выразительных средств определенной идеологии, – то есть быть носителями коннотативных значений – предметы все равно не утрачивают своих прямых функций, осуществляемых ими в реальности повседневной жизни и относящихся к сфере их денотативного значения. Так, одежда может быть выра-

зительным средством определенного статуса и положения в социальном пространстве, но при этом она «также обладает ценностью использования» как средство, способное «защитить от непогоды» и «помочь в физической деятельности, такой как работа или отдых» [5, с. 27]. Например, «ношение шубы может “означать” не что иное как то, что человеку холодно» – денотативное значение, в то время как социальное поведение производит коннотативные значения, в результате чего «ношение шубы может означать социальный статус, богатство и причастность моде» [6, с. 66].

Большое внимание в рамках социосемиотического подхода М. Готдинер уделяет проблеме кризиса личностной идентификации. Он убежден, что, несмотря на наличие в современной культуре такой особенности, как «тенденция подрезать основания подлинности (аутентичности), человек способен к повторному открытию потерянных означаемых и реинтеграции аспектов личностного Я» [6, с. 241]. Согласно точке зрения М. Готдинера, «идентичность зависит во многом от истоков, таких как семья, религия, раса и этническая принадлежность», а в свою очередь «истоки зависят от определенных материальных контекстов, главным образом пространственной среды обитания и культурного окружения, включающих в себя локализованные артефакты» [6, с. 242].

Основными же предпосылками, приведшими к кризису идентификации, М. Готдинер склонен считать то, что «большая часть социологической литературы рассматривает формирование личностного Я исключительно как познавательный

процесс», в результате чего наибольшее значение обретают «ментальные состояния», а «материальная культура вступает в этот процесс преимущественно как бутафория, которая используется, чтобы способствовать установлению тождеств» [6, с. 240, 241]. Как подчеркивает М. Готдинер, «процесс, при котором значение приписывается объектам, предполагает доминирование мышления», и апплицирование этого принципа в область социологии в аспекте «идентичности и формирования личностного Я» приводит к нижеприведенному логическому выводу: «мы мыслим, следовательно – существуем»; при этом «подобное картезианство не исключает важности роли эмоций и психобиологических или соматических состояний», однако «действительно исключает установление связи с сигнифицированными материальными артефактами, которые важны для самоидентичности в пределах дискурсивной ситуации» [6, с. 241]. По М. Готдинеру, «превалирование ментального над материальным также является характерной чертой постмодернистской литературы», и «именно в пределах этого контекста установление личностного Я становится проблематичным» [6, с. 241].

В противоположность этому М. Готдинер видит решение кризиса идентификации в отождествлении личной идентичности с определенной материальной действительностью. По его мнению, «только физическое и пространственное столкновение человека с культурой происхождения позволяет <...> реинтегрировать потерянные означаемые с субъективностью», поскольку «самореализация и формирование идентичности имеют место в

пределах материального контекста в такой же степени, как и в пределах идеологического»; и именно «валоризация материальных экспонатов и пространственной среды в качестве границ или оснований для определения идентичности» является фактором, игнорируемым «теоретиками, работающими над решением проблем личностной идентификации»: они опираются «почти исключительно на идеалистические, психологические и познавательные аспекты этого процесса», в то время как «социосемиотика <...> корректирует доминирование сознания в культурном дискурсе и предпочитает сбалансированность отношений между психическим и физическим, или идеальным и материальным факторами в производстве и потреблении культуры» [6, с. 236].

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что М. Готдинер последовательно возвращается к такой традиционной западноевропейской метаценности, как гносеологический оптимизм. Прежде всего это находит свое выражение в постулировании с позиций прагматизма объективности материального мира и социальной действительности в качестве не подлежащей сомнению достоверной истины. Признание же наличия референта (материального объекта) в цепи означающих приводит к восстановлению онтологического статуса означаемого, а следовательно и всей языковой системы. И, наконец, имплицитно постулируемая в рамках концепции М. Готдинера классическая схема интерпретации реальности в виде взаимодействия субъекта и объекта (представленных как действительность социума и действительность материальных

объектов и процессов) свидетельствует о возвращении к методу мышления, основанному на антитетическом противопоставлении. Последнее является признаком не только реактуализации фундаментального принципа мышления, конституирующего характерные особенности западноевропейской ментальности, но и в более широком контексте указывает на ренессанс классической рациональности, в пределах которой субъект и объект жестко противопоставляются.

Заклучение

Таким образом, М. Готдинер критически относится к постмодернизму как в аспекте философии, так и в аспекте культурологии. В частности, он противопоставляет философской позиции Ж.-Ф. Лиотара, поскольку последний объявляет любую теоретическую систему проявлением власти, претендующей на познание, что в результате не позволяет сформировать положительный концептуальный идеал для преобразования общества. Также М. Готдинер выражает несогласие и с культурологическим подходом Ж. Бодрийяра, склонного считать, что реальность поглощена моделируемой СМИ гиперреальностью. Как контраргумент к подобной интерпретации действительности М. Готдинер указывает на объективность существования материальных культурных объектов, обладающих своей определенной функцией в повседневной жизни социума. И только непосредственно в ходе функционирования те или иные различной степени сложности материальные объекты и их системы трансформируются в знаковые ценности – приобретают коннотативные значения, превращающие эти предметы в материальные носители идеологии, статуса либо других

содержаний практик повседневной жизни.

М. Готдинер связывает ограничения постмодернистского подхода к анализу культурной действительности с тем, что деконструкционизм опирается на семиотическую концепцию Ф. де Соссюра, методология которого приводит к ограничению реальности сферой субъективного сознания. В противоположность этому методологический потенциал семиотики Ч. Пирса, постулирующий реальность материального мира, позволяет М. Готдинеру сформулировать собственный социосемиотический подход к пониманию культуры, учитывающий каждодневные жизненные практики.

Апеллирование к реалиям материального контекста, по мнению М. Готдинера, способно стать ключом и к решению проблемы личностной идентификации. Возникновение последней он связывает с рассмотрением идентификационных механизмов как сосредоточенных исключительно в сознании субъекта. М. Готдинер же призывает к нахождению идентичности посредством включенности в материальный контекст, с которым неизбежно переплетаются социально-культурные практики.

В конечном итоге концепция неоклассицизма М. Готдинера является характерной для пост-постмодернистского философско-культурного обновления, характеризующегося возвратом к утраченным западноевропейским традиционным ценностям. К последним прежде всего относятся гносеологический оптимизм и выстраивающиеся на его основании онтологический статус языка, понятие истины и метод антитетического мышления.

1. *Можейко, М. А.* AFTER-POSTMODERNISM / М. А. Можейко // Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. – С. 8, 9.
2. *Можейко, М. А.* Современные социокультурные трансформации и философия языка пост-постмодернизма : новейшие тенденции / М. А. Можейко // Культура : открытый формат – 2011 : сб. науч. работ / науч. ред. М. А. Можейко. – Минск : Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – С. 61–71.
3. *Archer, K.* Book reviews (Reviews the book «Postmodern Semiotics : Material Culture and the Forms of Postmodern Life» by M. Gottdiener) / K. Archer // European Planning Studies. – 1996. – Vol. 4, Issue 5. – P. 636, 637.
4. *Collins, R.* Cumulation and anti-cumulation in sociology / R. Collins // American Sociological Review. – 1990. – Vol. 55, Issue 3. – P. 462, 463.
5. *Gottdiener, M.* Approaches to Consumption : Classical and Contemporary Perspectives / M. Gottdiener // New forms of consumption : consumers, culture, and commodification / edited by M. Gottdiener. – Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2000. – P. 3–31.
6. *Gottdiener, M.* Postmodern semiotics : Material Culture and the Forms of Postmodern Life / M. Gottdiener. – Oxford : Blackwell, 1998. – 262 p.
7. *Gottdiener, M.* The politics of Jean-Francois Lyotard : justice and political theory / M. Gottdiener // Contemporary Sociology. – 1999. – Vol. 28, Issue 5. – P. 624, 625.
8. *Lees, L.* Postmodern Semiotics : Material Culture and the Forms of Postmodern Life / L. Lees // Canadian Geographer. – 1997. – Vol. 41, Issue 4. – P. 444.
9. *Wiley, N.* Postmodern Semiotics : Material Culture and the Forms of Postmodern Life / N. Wiley // Contemporary Sociology. – 1996. – Vol. 25, Issue 5. – P. 701–703.

I. MAKARENKO

TRENDS IN POST-POSTMODERNIST CULTURE: EPISTEMOLOGY AND PERSONALITY IDENTIFICATION IN M. GOTTDIENER NEOCLASSICISM

The article presents the main provisions of M. Gottdiener neoclassicism program which postulates epistemological approach to the problems of today and the way of overcoming the crisis of personal identity. The author analyzes M. Gottdiener conception and reveals the post-postmodernist features specific to it: a return to the traditional European values. Epistemological optimism and the method of antithesis in thinking are of the priority basis among the latter.